

Позывной – «Москва-3»

30 боевых выходов за 14 месяцев службы в Афганистане, а это равнялось примерно пяти месяцам жизни в походно-полевых условиях и нередко под обстрелом. «Первое впечатление - попал из 1985 года в средневековье. Как будто не на БМП, а на машине времени приехал в эту страну. Никакой цивилизации, - вспоминает ветеран Афганистана Владимир Мисоченко. - Ни электричества, ни радио, ни телевидения. А на дорогах «барбухайки» едут, на которых, как гроздь, висят местные жители».

РЯДОМ С МОДЖАХЕДАМИ

Владимир служил пулемётчиком в 334-м отдельном отряде специального назначения.

- Мы должны были поставить точку в этой войне, которая принимала затяжной характер, - говорит мягким тоном Владимир Николаевич, который совсем не похож на грозного воина, каким мне представлялся. - Прибыли в Асадабад. Недалеко от нас располагался пакистанский город Пешавар, где базировалась учебная база моджахедов. В нашу задачу входило уничтожение бандформирований и караванов с оружием.

Одна из первых операций с участием взвода, в котором служил Мисоченко, проходила в печально известном Мараварском ущелье.

- Мне повезло: заболел и не попал на начало операции, в которой погиб 31 солдат. Из моего взвода двух парней ранило и убило пулемётчика,

- переводит дух Владимир Николаевич. - Утром нас всех под ружьё подняли выручать попавших в капкан солдат. Я вытаскивал из ущелья убитых. От жары их тела

распухли, поэтому опознать наших ребят можно было только по татуировкам. Рассуждая о причинах трагедии, Владимир Мисоченко говорит об отсутствии боевого опыта, как у солдат, так и у офицеров: «У нас были знания, но они плохо подходили к горным условиям, в которых приходилось воевать. Но когда наш отряд возглавил талантливый командир Григорий Быков, больше мы таких потерь не несли».

ПО ГОРАМ В КРОССОВКАХ

Были у нас как умные командиры, так и те, кто по глупости подставлялся под пули, - Владимир Николаевич приводит случай. - Наш взвод возглавил молодой лейтенант. А я к этому времени стал сержантом, прослужил немножко и выполнял обязанности заместителя командира взвода. Вышли мы на боевое задание. «Духи» начали обстрел. Я этого лейтенанта за рукав тащу вниз, чтобы пуля не задела. «Ляжь, полежи, подожди!», - кричу. А он привык так, как учили в Союзе, - вперёд! Ура! За Родину! Был так вос-

питан. В итоге - первый бой, и первая пуля угодила ему прямо в лоб. На гражданке у офицера остались жена

и маленькая дочь. Вообще вся война в Афгане заключалась в том, кто выше залезет в горы. От этого зависело, станешь ли ты хозяином положения. На высоте всё просматривалось, и тебя практически невозможно было победить. Мы забирались на такие высоты, где снег лежал. Безо всякого альпинистского снаряжения в полном обмундировании. Только вместо сапог, в которых невозможно было ходить по горам, покупали кроссовки. Мой пулемёт, который я тащил вверх с боеприпасами, весил более 20 килограммов - при моём собственном весе - 65. И это я ещё не считаю воды и сухпайка. Всю ночь лезем в горы, а утром начинаем обстрел кишлака.

В одной из таких перестрелок Владимир Мисоченко получил медаль «За отвагу»: «Наградили за то, что первым во взводе захватил английскую винтовку «Бур», с которой воевал душман. Но я его не убивал, нет. Слава Богу, что мне за всю войну не

пришлось стрелять в упор. В основном вёл огонь по цели на большом расстоянии».

НЕ ВОЕВАЛИ С НАРОДОМ

- То, что от любого местного жителя можно было ожидать подвоха, - это правда, - утвердительно произносит

Владимир Мисоченко. - Хотя и говорят, что это жестоко, но если отряд встречал на пути местного жителя, то от него старались «избавиться». Это не значит, что человека убивали. Мы делали так - брали с собой и тащили по горам, чтобы он не мог сообщить «духам» о передвижении солдат, что было не редкостью. За время моей службы, как бы кто не говорил, ни один мирный житель от наших пуль не погиб. Мы не воевали с афганским народом, а лишь с теми, у кого в руках было оружие. Приведу пример. Каждое утро у нас была зарядка. Голые по пояс солдаты бежали от своего расположения через весь Асабабад под прикрытием всего одного БТР. На весь взвод брался только один автомат на случай нападения. И я вот думаю, если бы к нам так плохо относились местные жители, что им стоило положить мину или устроить засаду и расстрелять всех солдат? Большую опасность в городе для военных представляли болезни: «Малярия для меня прошла с лёгким испугом и температурой под 40. Больше половины солдат переболело желтухой. Там она была, как у нас насморк. Болезни развивались из-за плохой воды и страшной жары. Помню, командир взвода Андрюха Белозёров так боялся заболеть, что бедный свою ложку постоянно мыл, стерилизовал, в тряпочку закручивал. Но перед дембелем не повезло: всё равно подхватил гепатит. А вот меня пронесло».

Не любит Владимир и когда говорят о внеуставных отношениях в Афганистане между солдатами: «У нас такого не было. После дембеля мои друзья из Узбекистана присылали мне посылки с фруктами. О чём это говорит? О том, что у нас были нормальные отношения».

НАСТУПИЛ НА МОЮ МИНУ

– Большую роль во время боевых выходов играла внезапность и то, кто окажется наглее, - делится нехитрыми приёмами тактики ветеран. - Помню, идём, глядь - прямо перед нами «духи». Они от неожиданности бросили оружие. Наше счастье, что испугались. В итоге мы подобрали снайперскую винтовку, автомат и заряженный гранатомёт. Но больше всего мне запомнилась одна из последних операций перед дембелем. Рота нашего батальона попала в небольшое окружение. Моему взводу, в котором я был уже командиром, пришлось их вытаскивать. Владимир Мисоченко успел проскочить через огонь душманов и спрятался за скалой. Весь световой день ему пришлось там сидеть, прижимаясь к камню.

Попал в прицел. Только чуть в сторону - сразу пули летят рикошетом. Слышу по радиации: «Москва-3» (это мой позывной), нужна помощь?» - вспоминает подробности Владимир Николаевич. — Это мой земляк Игорь Петриков вышел на связь. Я в ответ: «Не дай Бог! Не надо лезть, здесь стреляют». А товарищ мне: «Я помогу, помогу». А потом слышу по радиации: «А-а-а! Меня ранило!» Когда стемнело, нам пришлось оттащить Игоря, из-за чего вместо моего взвода пошёл другой. По правилам во главе солдат всегда шёл командир. Командиром

выдвинувшегося взвода был сержант Коля Муравчук. До сих пор его помню. Он-то и подорвался на mine, на которую должен был наступить я. Это была бы моя смерть. А Игоря Петрикова ранило в ягодицу. И теперь при встрече с ним я произношу тост за его пятую точку, благодаря которой остался жив.

ЕГО ЗВЕЗДА

– А за что орденом Красной Звезды наградили, - интересуюсь у Владимира Мисоченко.

– Командуя взводом, участвовал в серьёзной общеармейской операции, во время которой захватил зенитную горную установку. Она вращалась вокруг своей оси и обстреливала всё что можно. Помимо неё, взяли ещё множество военных трофеев. Сослуживцы мне потом говорили, что если бы был офицером, то за это дело мне полагался бы орден Красного Знамени. А получил я орден Красной Звезды, когда уже попал на гражданку и учился в Харьковском юридическом институте.

– О мирной жизни в Афганистане вспоминали? - перебиваю Владимира Николаевича.

– За год так привыкаешь к этой всей войне. Бывало, сидишь на горе, начинаешь думать о доме и не можешь понять, есть ли вообще какая-то другая жизнь. Так прижился в Афгане, что мирная жизнь казалась нереальной, - откровенничает ветеран. - Дома, троллейбусы... Как будто не со мной это и было. Когда на дембеле увидел женщин, детей, хотелось кричать от радости. Такое впечатление было, что вернулся с того света. О войне напоминали только письма к родителям, которые с опозданием продолжали приходить из Асадабада.

После окончания института

Владимир Мисоченко десять лет работал на следственных и прокурорских должностях в прокуратуре Гомельской области, потом ещё столько же занимался финансовыми расследованиями.

– Я очень горжусь тем, что пришёл на работу следователем и им же уволился, - подытоживает подполковник запаса Следственного комитета по Гомельской области. - А если хотите услышать моё мнение об Афгане, то скажу просто: любая война - зло. Но на той войне у меня сомнений не было. Я верил, что воюю за правое дело.

**Дмитрий ЧЕРНЯВСКИЙ,
«ГВ»**

**Фото автора и из архива
Гомельского областного музея
военной славы.**